

Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

**Роль образовательного статуса населения в современной демографической динамике
России**

(Препринт научно-исследовательской работы)

**Москва
Институт Гайдара
2020**

Авторский коллектив: *Ефремов И.А.*, науч. сотр. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала ИЭП им. Е.Т. Гайдара; *Новиков К.Е.*, к.ф.н., науч. сотр. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала ИЭП им. Е.Т. Гайдара; *Пустовалов Д.Н.*, науч. сотр. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Исследование взаимосвязи образовательного статуса и развития демографических процессов является актуальной задачей, поскольку этот статус оказывает важное влияние на поведение и поступки людей в самых разнообразных контекстах и ситуациях, жизненные цели и предпочтительные пути и способы их достижения. Изучение когортных эффектов и поколенческих изменений образования россиян является основанием для понимания того, как меняются и будут меняться демографические процессы поколений, а также помогает определить наиболее эффективные пути его корректировки для разных групп населения. Основная цель исследования: выявление характеристик связи между различными уровнями и аспектами образования, с одной стороны, и характеристиками развития демографических процессов – с другой. Объектом исследования является связь между различными уровнями и аспектами образования и характеристиками развития демографических процессов. В работе применяются анализ баз микроданных выборочных исследований и переписей населения; APC-анализ (age-period-cohort) когортных эффектов в развитии демографических процессов; методы декомпозиции в демографическом анализе. В результате проведения исследования была дана оценка характеристик связи показателей смертности, рождаемости и миграции населения с образованием в России. Анализ российских межрегиональных различий в образовательной структуре населения и связанной с ней демографической динамике показал, что местные региональные особенности рождаемости и смертности зачастую оказываются так же важны, как влияние образовательного статуса. Для миграции населения, напротив, образовательный фактор действует практически одинаково на всей территории России.

The Role of the Educational Status of the Population in Contemporary Russian Demographic Dynamics

The study of the relationship between educational status and the development of demographic processes is an urgent research task, since this status has an important impact on demographic behavior of people in a wide variety of contexts and situations, life goals and preferred ways and ways to achieve them. The study of cohort effects and generational changes in the education statuses of the Russian population is the basis for understanding how demographic processes among generations are changing and will change, and also helps to determine the most effective ways to correct it for different groups of the population. The main aim of the research is to identify the characteristics of the relationship between different levels and aspects of education status, on the one hand, and the characteristics of the development of demographic processes, on the other hand. The methods we use are the microdata bases analysis of the sample studies and population censuses; APC-analysis (age-period-cohort) of cohort effects on the development of demographic processes; decomposition methods in demographic analysis. As a result of the study, an assessment was made of the characteristics of the relationship between mortality, fertility and population migration in Russia based on education status. An analysis of Russian interregional differences in the educational structure of the population and related demographic dynamics showed that local regional characteristics of fertility and mortality are often as important as the influence of educational status. For population migration, on the contrary, the educational factor acts practically the same way throughout Russia.

Содержание

Введение	
1. Анализ теоретико-методологических подходов и литературный обзор исследований связи образовательных характеристик населения и демографических процессов.....	
2. Определение образовательных статусов населения и оценка их влияния на рождаемость в России и ее регионах.....	
3. Оценка влияния образовательных статусов населения на смертность населения в России и ее регионах.....	
4. Оценка влияния образовательных статусов населения на миграционную подвижность и миграционную историю населения России и ее регионов	
5. Разработка предложений по совершенствованию политики учета населения и демографических процессов.....	
Заключение.....	
Список использованных источников.....	

Введение

Исследование взаимосвязи образовательного статуса и развития демографических процессов является актуальной исследовательской задачей, поскольку этот статус оказывает важное влияние на поведение и поступки людей в самых разнообразных контекстах и ситуациях, на жизненные цели и предпочтительные пути и способы их достижения. Изучение когортных эффектов и поколенческих изменений образования россиян является основанием для понимания того, как меняются и будут меняться демографические процессы поколений, а также помогает определить наиболее эффективные пути его корректировки для разных групп населения.

Основная цель исследования: выявление характеристик связи между различными уровнями и аспектами образования, с одной стороны, и характеристиками развития демографических процессов – с другой.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования: оценка характеристик связи показателей смертности, рождаемости и миграции населения с образованием в России (на материалах текущего статистического учета населения, выборочных исследований и микроданных переписей населения); анализ российских межрегиональных различий в образовательной структуре населения и связанной с ней демографической динамике.

1. Анализ теоретико-методологических подходов и литературный обзор исследований связи образовательных характеристик населения и демографических процессов

Среди основных демографических процессов прежде всего необходимо назвать рождаемость, смертность и миграцию населения. Влияние образовательной структуры общества, равно как и образовательного статуса индивидов, на эти процессы было замечено давно и до сих пор активно изучается. При этом указанные демографические процессы динамичны, их показатели меняются вслед за изменениями в самом обществе, а следовательно, и влияние на них образовательного статуса также переменчиво, что требует регулярной актуализации исследований в этой области.

Традиционно большое внимание в демографических исследованиях в России уделяется вопросам смертности и связанным факторам, в том числе когортным и образовательным характеристикам. В этой области исследуемый вопрос можно назвать наиболее глубоко разработанным. Среди заметных отечественных авторов в этой области можно назвать работы Т.Л. Харьковой, С.Ю. Никитиной, Е.М. Андреева, А.И. Пьянковой, Т.А. Фаттахова, Д.А. Жданова, С.Я. Щербова и др. [Харькова и др., 2017; Пьянкова, Фаттахов, 2017; Андреев, Жданов, 2007]. Их работы не только определили методики оценок такого влияния исходя из недостатков статистики смертности в России, но и позволяют частично взглянуть на когортные эффекты в исследуемом вопросе.

Образовательный фактор в отношении продолжительности жизни может полностью скомпенсировать негативный эффект мужской смертности: мужчины с хорошим образованием в России могут иметь продолжительность жизни, не меньшую, чем женщины с низким уровнем образования [Шульгин и др., 2018].

Коллективная статья группы европейских исследователей из разных стран (Макенбах и др.) «Variations in the relation between education and cause-specific mortality in 19 European populations: A test of the “fundamental causes” theory of social inequalities in health» [Mackenbach et al., 2015] была опубликована в журнале «Social Science & Medicine» в 2015 год. и посвящена анализу связи между уровнем образования и смертностью по причинам для 19 популяций в разных европейских странах. Авторы проверяли концепцию социального неравенства как фундаментальной причины в различиях смертности. Достигнутый уровень образования в данном случае рассматривался как результат обладания социально-экономическими ресурсами, конвертировавшийся в определенное состояние здоровья.

Анализ проводился по 24 причинам смерти, объединенным в 4 группы: непредотвратимые; зависящие от изменяемого поведения; предотвратимые с помощью

медицины и предотвратимые профилактикой травматизма. В каждой отдельной популяции было подтверждено снижение вероятности смерти для более образованного населения. Тем не менее на уровне причин и разных популяций сила этой связи разнится. Неравенство в смертности оказалось минимальным для непредотвратимых причин. Контраст между предотвратимыми и непредотвратимыми причинами наиболее велик в Восточной Европе, где высок уровень социально-экономического неравенства, однако в Южной Европе, где неравенство тоже высоко, эта разница незначительна. Согласно выводам статьи, минимальный разрыв в смертности, связанный с уровнем образования, наблюдается у населения Южной Европы, а максимальный – в Восточной Европе. Среди мужчин наибольшие показатели неравенства наблюдались для причин смерти, связанных с употреблением алкоголя и курением, тогда как среди женщин – связанных с употреблением алкоголя и с диабетом.

Выводы статьи имеют некоторые ограничения, связанные с выбором и качеством исходных данных. Данные по 19 популяциям разного уровня (национального, регионального, муниципального), использованные для анализа, не всегда могут быть сопоставимы. Кроме того, работа представляет собой поперечный демографический анализ.

Исследование в целом подтвердило сделанные ранее для населения США выводы о различном влиянии социального неравенства на смертность по разным группам причин. В то же время было обнаружено, что величина такого влияния сильно различается в обществах.

Группа исследователей из Испании и Нидерландов (Регидор и др.) в 2016 г. опубликовали статью «Education and mortality in Spain: a national study supports local Findings» в журнале «International journal of public health» [Regidor et al., 2016]. Эта работа оценивает различия связи между образованием и смертностью для мужчин и женщин (общей и по причинам смерти) для Испании в целом, проверяя таким образом справедливость выводов региональных выборочных исследований с аналогичными задачами. Один из основных выводов работы: подтверждение относительно низкого образовательного неравенства в смертности в Испании по сравнению с большинством других стран Европы.

Анализ разницы в смертности населения с разным уровнем образования показал гораздо больший выигрыш от высокого образования у мужчин, чем у женщин. Как у мужчин, так и у женщин, при рассмотрении отдельных причин, максимальное образовательное неравенство достигается для смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы, а также от рака для мужчин.

Одним из важных итогов работы стало обнаружение неравномерности региональной структуры неравенства в смертности по причинам.

Работа специалистов региональной службы здравоохранения итальянского региона Лацио [Cacciani et al., 2015], выпущенная журналом «Plos one» в 2015 г., посвящена анализу связи между смертностью (общей и по пяти причинам) и рядом социальных характеристик, в том числе образования. В работе использовались данные лонгитюдного исследования населения Рима 2001–2012 гг. Влияние образования на смертность оказалось более сильным для мужчин, чем для женщин.

Также были проанализированы такие зависимости для разных возрастных групп. Среди всего населения с низким уровнем образования наиболее уязвимы по сравнению с более образованными ровесниками оказались молодые люди. В наименьшей степени слабо образованные жители проигрывали образованным в пожилых возрастах. По мнению авторов статьи, это может быть вызвано, к примеру, селективной смертностью менее образованного населения в более молодых возрастах.

По отдельным причинам смерти максимальный выигрыш за счет образования характерен для причин, зависящих от рискованного поведения.

Среди ограничений исследования указано возможное влияние миграции на структуру населения и смертность.

В статье «The Effect of Education on Adult Mortality and Health: Evidence from Britain» Кларка и Ройера [Clark, Royer, 2013], изданной в журнале «American economic review», оценивается влияние британских реформ школьного образования (увеличение продолжительности обучения в 1947 и 1972 гг. на один год) на дальнейшую смертность во взрослых возрастах когорт, попавших под действие реформы.

Авторы обнаружили, что, хотя увеличение продолжительности обучения в школе сильно повлияло на максимальный достигнутый уровень образования и доходы, влияние этих мер на здоровье и смертность соответствующих когорт стало незначительным. Выводы работы предполагают, что основной объем влияния образования на смертность можно обнаружить в третичном (профессиональном) образовании.

Похожую работу выполнили немецкие исследователи Гатманн, Юргес и Рейнхольд (опубликована в 2015 г. в журнале «Social Science & Medicine») в статье «Compulsory schooling reforms, education and mortality in twentieth century Europe» [Gathmann et al., 2012]. Аналогично статье Кларка и Ройера (2013), в данном случае оценивалось влияние школьных реформ (увеличения продолжительности обучения) на последующую смертность населения в когортах, задетых этими изменениями. На этот раз были проанализированы 18 школьных реформ с 1903 по 1976 г., преимущественно в странах Западной и Северной Европы.

Авторы обнаружили крайне незначительную связь этих событий со смертностью: она становилась немного ниже для мужчин и почти не менялась для женщин. Указано, что, несмотря на незначительный эффект по отношению к смертности в целом, эти меры помогли сократить гендерный разрыв в смертности. Кроме того, было обнаружено, что в течение всего XX в. сила влияния школьных реформ на смертность постоянно сокращалась. Таким образом, выигрыш в продолжительности жизни за счет увеличения срока обязательного обучения был максимальным в начале XX в. и малозаметным во время последних реформ.

Логичным продолжением предыдущих двух работ выглядит статья Хэйворда, Хаммера и Сассона «Trends and group differences in the association between educational attainment and U.S. adult mortality: Implications for understanding education's causal influence» [Hayward et al., 2015] (опубликована в 2015 г. в журнале «Social Science & Medicine»).

Здесь авторы сравнивают зависимость смертности от достигнутого уровня образования для американского населения (с разделением по полу и на расовые группы) в период 1986–1999 и 2000–2006 гг. В результате исследования обнаруживается, что выигрыш американского населения от наиболее высоких достигнутых уровней образования в 2000-е годы увеличился по сравнению с 1980–1990-ми годами. Было установлено, что получение школьного образования (12 лет обучения) лишь незначительно снижает вероятность смерти, что было показано также в предыдущих работах для европейского населения. Но даже при минимальном превышении этого порога (переход к третичному образованию) выигрыш в разнице смертности становится значительно больше, а также резко увеличивается скорость его нарастания с каждым последующим годом обучения. Наиболее выражена такая схема для белого населения, тогда как для афроамериканцев характерен минимальный выигрыш от более высокого уровня образования. Интересно также, что для людей с образованием менее 12 лет (неполное среднее образование) в указанные годы вероятность смерти лишь выросла, тогда как для всех остальных более образованных групп населения она снизилась. Авторы статьи указывают на негативный отбор как вероятную причину этой особенности.

Статья связывает ускорение роста относительного выигрыша в продолжительности жизни у высокообразованных групп населения по сравнению с менее образованными с «технологическим» прогрессом. Под ним подразумевается, что в современном обществе XXI в. для дальнейшего снижения рисков для здоровья человек должен обладать знаниями, навыками и технологиями, которые гораздо легче получить именно высокообразованным людям. Анализ в статье других исследований показал, что с повышением образовательного уровня растет доля населения (среди группы с соответствующим образованием), осознанно практикующая позитивное для здоровья поведение.

Авторы также предположили, что в 1960-х годах даже для населения с относительно высоким образованием влияние достигнутого уровня образования не обеспечивало такого значительного выигрыша в смертности, как сейчас. Это должно подтверждать тот факт, что наиболее важен не столько сам образовательный статус, сколько возможности, которые он дает в конкретное время в определенном обществе. Также статья предостерегает от неосторожной экстраполяции ее результатов на население других стран, так как особенности каждого общества могут как увеличивать, так и уменьшать позитивное влияние образования.

Статья американских исследователей Эверетта, Рехкопфа и Роджерса [Everett et al., 2013], вышедшая в журнале «Population research and policy review», посвящена подробному анализу связей между образованием и смертностью на уровне возрастных когорт, расовых/этнических групп и пола.

Важный вывод статьи: разница в образовательном неравенстве резко увеличивается с 9 лет школьного обучения. Степень неравенства различная в разных группах исследуемого населения. Максимальное неравенство авторы обнаружили среди молодых когорт и темнокожих мужчин. Причем рост неравенства в возрастных группах происходит в основном за счет не увеличения выигрыша для более образованных групп, а увеличения риска смерти среди наименее образованного населения.

Статья ставит под сомнение многочисленные выводы других исследований о том, что среди мужчин образовательное неравенство выражено ярче. Здесь авторы обнаружили, что между молодыми мужчинами и женщинами в целом нет значительной разницы в неравенстве. Кроме того, для афроамериканского населения, вероятно, ситуация имеет противоположную картину: образованные темнокожие женщины имеют больший выигрыш в смертности по сравнению с образованными темнокожими мужчинами.

Среди ограничений исследования авторы статьи видят отсутствие анализа образовательного неравенства среди наиболее образованной группы населения (более 18 лет обучения) и разделения в выборке людей с разными типами школьных дипломов, сертификатов и пр.

В статье «Cumulative Childhood Adversity, Educational Attainment, and Active Life Expectancy Among U.S. Adults» [Montez, Hayward, 2014], вышедшей в журнале «Demography», ее авторы – Монтез и Хэйворд – сравнивают влияние образования и перенесенных в детстве лишений (неблагоприятных условий жизни) на общую продолжительность жизни и продолжительность здоровой (без функциональных ограничений) жизни взрослых американцев 50–100 лет. В качестве исходных данных используется панельное американское выборочное обследование здоровья пожилых людей

(волны 1992–2010 гг. с общей выборкой 30 671 человек). Исследование отвечало на вопросы о том, сколько лет ожидаемой продолжительности жизни, в том числе здоровой, теряют американцы из-за плохих условий жизни в детстве и насколько влияние образования помогает устранить эти потери. Авторы пришли к выводу, что получение хорошего образования не перекрывает потерь от неблагоприятных условий жизни в детстве. В то же время население с неблагоприятным детством, но высоким уровнем образования имеет равную либо большую продолжительность жизни (в том числе здоровой), чем население с благоприятным детством, но низким уровнем образования. Разрыв в общей продолжительности жизни в зависимости от условий жизни в детстве составил 3–4 года, тогда как для продолжительности здоровой жизни он составил 6–6,5 года.

Авторы предполагают, что на саму возможность получить образование определенного уровня негативно влияют неблагоприятные условия жизни в детстве. Также было указано, что, независимо от условий жизни в детстве, увеличение количества лет образования приводит к увеличению предстоящих лет жизни (в том числе здоровой). В статье отмечается, что расширение доступа к образованию приведет к улучшению состояния здоровья населения.

Среди ограничений выводов статьи можно назвать самоопределение респондентами своих функциональных возможностей и ретроспективную оценку условий жизни в детстве.

Исследование, опубликованное в работе «Educational differences in disability-free life expectancy: a comparative study of long-standing activity limitation in eight European countries» [Mäki et al., 2016], показало, что доля прожитых лет без инвалидности между мужским и женским населением значимо не различается. Несмотря на то что женщины живут дольше мужчин, они проводят больше времени в состоянии инвалидности. Во всех исследуемых странах (Литва, Франция, Норвегия, Финляндия, Австрия, Италия, Испания, Бельгия) показатели продолжительности жизни и продолжительности здоровой жизни (без инвалидности) были тем выше, чем выше уровень образования. Уровень образования играл наиболее значимую роль в продолжительности здоровой жизни, чем в показателе ожидаемой продолжительности жизни в целом.

Использование комбинированного измерения здоровья населения с несколькими показателями взамен одного какого-либо индикатора, характеризующего показатели смертности или заболеваемости населения, обеспечивает более детальное понимание различий в состоянии здоровья между мужчинами и женщинами.

В исследуемой возрастной группе – трудоспособный возраст до 55 лет – значительная доля вариации образовательного градиента между странами связана с различиями в уровнях

безработицы между этими странами, нежели с другими факторами. Образование в трудоспособном возрасте играет защитную роль от факторов риска (стресс, рост потребления алкоголя) в ситуации, когда высок уровень безработицы. Потери в здоровье и наличие вредных привычек, приобретенных в результате сложности выхода на рынок труда в период роста безработицы, гораздо ниже у более образованных лиц [Cutler et al., 2015].

Результаты других исследований [Masters et al., 2015] показывают значимую роль образовательного градиента в смертности от предотвратимых причин смерти, которые находятся под контролем поведения человека, тогда как менее предотвратимые причины смерти меньше зависят от уровня образования. Также динамика снижения смертности от предотвратимых причин смерти была выше у когорт с более высоким образованием, наблюдались и расовые различия. Авторы не обнаружили никаких существенных различий в градиенте образования в смертности от предотвратимых и непродотвратимых причин смерти у неиспаноговорящего чернокожего населения. Но для неиспаноговорящих белых мужчин и женщин образовательный градиент играл гораздо большее значение в снижении смертности от предотвратимых причин смерти, чем от непродотвратимых причин смерти.

Исследование смертности в связи с образованием американских женщин "Explaining the Widening Education Gap in Mortality among U.S. White Women» [Montez, Zajacova, 2013a] показало, что с 1997 по 2001 г. вероятность смерти среди низкообразованных белых женщин в возрасте от 45 до 84 лет была в 1,37 раза больше, чем у более образованных сверстников, а в период с 2002 по 2006 г. этот показатель достиг 1,66 раза. Исследование продемонстрировало, что наибольшее значение имели социально-психологические факторы, тогда как экономические обстоятельства и поведение, направленное на сохранение здоровья, в качестве объяснения смертности через уровень образования статистически оказались незначимы. Уровень занятости и наличие такой вредной привычки, как курение, у населения оказались наиболее важными предикторами.

Другое исследование смертности американских женщин [Montez, Zajacova, 2013b] показало, что с 1986 по 2002 г. образовательный градиент объясняет рост смертности от всех основных классов причин смерти среди женщин с низким уровнем образования и снижение смертности среди женщин с высоким уровнем образования. Но уже в период с 2003 по 2006 г. образовательный градиент играет роль только в снижении смертности у женщин с высоким уровнем образования.

Неравенство в смертности среди белых женщин распространилось с 1986 по 2006 г. частично из-за причин смерти, ассоциированных с курением. Рак легких и хронические заболевания нижних дыхательных путей объясняли 47% общего роста смертности.

Вклад образования в разницу смертности американцев показала работа «Trends in U.S. life expectancy gradients: the role of changing educational composition» [Arun, Hendi, 2015]. Согласно этому исследованию, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в возрасте 25 лет среди белых мужчин возросла практически во всех группах населения с различными уровнями образования, кроме групп с наименьшим уровнем образования, именно в них ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 25 лет снизилась. Среди белых женщин ОПЖ возросла у тех, кто имел высшее образование (college degrees). Наибольшее снижение ОПЖ наблюдалось среди белых женщин с уровнем образования ниже школьного. Третий градиент наблюдается в возрасте моложе 50 лет как для мужского, так и для женского населения. Роль образовательного градиента в белом населении составляет около 26% (0,7 года) и 87% (0,8 года) для показателя ОПЖ в возрасте 25 и 85+ лет соответственно.

Согласно работе Крюгера и др. [Krueger et al., 2015], во взрослом населении США в возрасте от 25 до 85 лет в 2010 г. наблюдалось неравенство в смертности в зависимости от уровня образования. В когортах рождения 1945 г. наблюдалось 145 243 смерти с уровнем образования меньше старшей школы, 110 068 смертей лиц с высшим образованием и 554 525 с уровнем образования college degrees, но без диплома бакалавра. Смертность среди населения, имеющего уровень образования ниже высшей школы, практически не различается по полу и расам. Хотя смертность с данным уровнем образования значительно выше от болезней системы кровообращения (БСК), чем от рака, в среднем по популяции.

Вопросы связи образования и образа жизни, в том числе (не)здорового питания, связанного с ним состояния здоровья рассматривали Колосницына и Куликова в работе «Социально-экономические факторы и последствия избыточного веса» [Колосницына, Куликова, 2018].

Влияние инструментов государственной политики образовательной на здоровье и долголетие населения было рассмотрено в работе «Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт» [Колосницына, Куликова, 2017].

Связи образовательных характеристик со смертностью и уровнем урбанизации затрагивались в работе «Города-миллионники на карте смертности России» [Щур, 2018].

Вопросы взаимосвязи рождаемости и образования женщин как для всей России, так и для населения Москвы рассмотрены в работах «Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные?» [Малева, Тындик, 2014] «Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии» [Архангельский и др., 2019]. В исследовании [Архангельский и др., 2020] делается вывод о том, что более высокий образовательный статус женщин России ведет к соответственно большему разрыву

желаемого и ожидаемого числа детей, что на первый взгляд выглядит неожиданным, так как более образованные женщины имеют больше ресурсов для реализации желаемой рождаемости. В реальности же ожидаемая рождаемость у более образованных женщин России страдает, вероятно, из-за того, что прирост ресурсов по сравнению с менее образованными женщинами не в состоянии полностью компенсировать прирост потребностей и ожиданий в отношении «стоимости» воспитания ребенка, которая у более образованных женщин подразумевает более значительные инвестиции родителей в человеческий капитал. Эта работа подталкивает к необходимости более подробного изучения баланса бонуса за образовательный статус и вложений в воспитание ребенка в российских семьях, что, однако, не является темой данного исследования.

Наименее изученными остаются вопросы связи миграционного поведения и образовательных характеристик населения. В этой сфере можно отметить некоторые прикладные работы, в том числе «Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата» [Локшин, Чернина, 2013].

2. Определение образовательных статусов населения и оценка их влияния на рождаемость в России и ее регионах

Основным источником сведений об образовательном статусе населения являются переписи населения. Последняя перепись населения в России состоялась в 2010 г. В переписном листе присутствовали вопросы об образовательном статусе. В частности, респонденты указывали максимальный достигнутый уровень образования. Предлагались варианты: неграмотные, без начального образования, начальное, основное и полное среднее образование (3–4, 8–9 и 10–11 классов школы соответственно в зависимости от года окончания), профессиональное образование: начальное, среднее, неполное высшее, высшее, в том числе по ступеням (бакалавр, специалист, магистр), послевузовское. Во многих странах мира, и Россия не исключение, дизайн системы образования уникален. Вдобавок в последние десятилетия российская система образования претерпевала большие изменения. Все это привело к тому, что сведения об уровнях образования российского населения трудно сопоставлять с аналогичными сведениями для населения других стран, особенно дальнего зарубежья. Важнейшим методологическим инструментом, частично решающим эту проблему и активно используемым в исследованиях образовательного статуса населения, является не формальный статус, а общее количество лет, проведенных в статусе обучающегося. К сожалению, набор данных российской переписи населения не позволяет провести такой анализ. Тем не менее в отсутствие необходимости проводить международные сопоставления мы полагаем достаточными данные об образовательном статусе в традиционном для россиян виде, приведенные в результатах переписи населения и выборочных репрезентативных исследованиях. Помимо образовательного статуса, данные переписей населения России также содержат сведения об образовании жителей по возрастным группам, что позволяет проводить некоторые когортные исследования и сопоставления.

В России, как и в большинстве развитых стран мира, для женщин характерен более высокий уровень образования, чем для мужчин (см. табл. 2.1). Значительное преобладание женщин отмечается в достижении высшего профессионального образования. В течение уже многих лет среди студентов вузов преобладают женщины. В то же время среди женщин гораздо выше доля с низким уровнем образования — начальным и ниже, включая неграмотных. Это достаточно просто объяснить: продолжительность жизни в старших возрастах у женщин намного выше, чем у мужчин, равно как и дожитие до старших возрастов. В результате среди наиболее пожилых россиян существует значительное

преобладание женщин. В свою очередь, только самые старшие поколения россиян родились и выросли в те годы, когда охват школьным образованием населения еще не был всеобщим.

Таблица 2.1 Распределение мужчин и женщин России старше 15 лет по наивысшему достигнутому образовательному статусу, перепись населения 2010г., %

	Мужчины	Женщины
Высшее (включая неполное высшее)	26,3	29,4
Начальное и среднее профессиональное	37,1	36,5
Полное общее	20,1	16,7
Основное общее	11,8	10,3
Начальное и ниже	4,6	7,1

Рассчитано по: Население по возрастным группам, полу и уровню образования. Т. 3. Образование. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Росстат.

Существующие половые диспропорции в получении высшего профессионального образования, как минимум, сохраняются в последние годы. В перспективе это может привести к неблагоприятной ситуации на брачном рынке. Известно, что в большинстве случаев для супружеских пар характерны одинаковые либо очень близкие образовательные статусы. Из-за возрастающего распространения высшего образования и увеличения разрыва между мужчинами и женщинами по доле имеющих высшее образование, с одной стороны, вклад женщин с высшим образованием в общую рождаемость будет все больше, а с другой – потенциал рождаемости таких женщин будет все чаще недореализован из-за того, что на брачном рынке для женщин с высшим образованием все сложнее найти партнера-мужчину с аналогичным уровнем образования (см. табл. 2.2). На региональном уровне эта проблема усугубляется разными паттернами миграции населения: концентрация потоков миграции мужчин и женщин часто происходит в разных регионах, что создает внутри России ареалы с условным дефицитом женихов и невест в разных местах.

Таблица 2.2 Доля мужчин и женщин России с высшим профессиональным образованием по возрастным группам, перепись населения 2010 г., %

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины
20–24	33,3	47,7
25–29	36,8	50,1
30–34	32,7	43,4

35–39	28,8	37,0
40–44	26,1	33,2
45–49	24,9	29,2
50–54	23,0	25,4
55–59	23,5	23,0
60–64	25,5	22,8
65–69	25,0	20,3
70+	20,3	12,5

Рассчитано по: Население по возрастным группам, полу и уровню образования. Т. 3. Образование. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Росстат.

При приближении к пожилому возрасту и в самом этом возрасте гендерная диспропорция россиян с высшим образованием начинает исправляться. В случае России это вызвано не только меньшим (относительно мужчин) доступом к высшему профессиональному образованию у пожилых женщин в годы их юности и молодости, что характерно для многих развитых стран, но и большим разрывом в смертности мужчин с высшим образованием и без него.

Для возрастного анализа рождаемости мы традиционно используем общепринятые границы детородного возраста у женщин: с 15 по 49 лет. При этом, безусловно, рождения происходят и за обоими пределами этого возраста, но интенсивность рождаемости в возрастах менее 15 и старше 49 лет ничтожно мала и не способна значимо повлиять на показатели рождаемости. Так, общее количество детей, рожденных у женщин в возрастах до 15 лет и старше 49 лет в 2019 г. составило менее 0,04% от всех рожденных детей в России. В то же время в последние годы наблюдается постепенный сдвиг рождаемости в старшие возраста, в том числе медленно растет интенсивность рождаемости в возрасте 50 лет и более. Не исключено, что в будущем для целей анализа рождаемости границы детородного возраста женщин необходимо будет расширить за пределы 50 лет.

К сожалению, существующая в России статистика текущего учета населения, которая аккумулируется и разрабатывается Росстатом, не позволяет достоверно оценить не только связь рождаемости у мужчин с их образовательным статусом, но и вообще количество детей у мужчин. Для расчетов связей между рождаемостью и образовательным статусом женщин необходимы исходные данные о демографических структурах, в частности текущее распределение всех женщин по образовательному статусу и отдельно такое же распределение для женщин, родивших ребенка в конкретном году. Текущий учет населения Росстата содержит лишь данные об образовательном статусе матерей. Данные для всего

женского населения собираются только во время переписи населения. Это вносит значительную погрешность при сопоставлении данных и делает анализ менее точным. Тем не менее в отсутствие более актуальных данных, помимо данных текущего учета населения, разрабатываемых Росстатом ежегодно, мы вынуждены использовать показатели переписи населения 2010 г.

Данные об образовательном статусе женщин России показывают, что среди молодых девушек до 20 лет очень мала доля тех, кто получил среднее профессиональное образование, и высока доля учащихся старших классов школы, что говорит о намерении девушек преимущественно получать высшее профессиональное образование после школы. Действительно, данные для женщин в следующих возрастных группах это подтверждают. В России, по сравнению с другими развитыми странами высока доля населения с высшим профессиональным образованием, что особенно характерно для женщин. В возрастах до 30 лет таких было около половины от всей соответствующей возрастной группы во время последней переписи населения. Характерно, что во всех возрастных группах женщин, начиная с 20 лет, доля женщин без профессионального образования остается стабильной и относительно небольшой (около 20%), даже среди тех, кто завершил свое школьное обучение в 1970–1980-х годах. В то же время с возрастом происходит перераспределение женщин с высшим и средним профессиональным образованием. Так, если среди молодых женщин высшее профессиональное образование преобладает со значительным перевесом, то после 35 лет начинает преобладать среднее профессиональное образование, а к 50 годам доля женщин с таким образовательным статусом достигает половины.

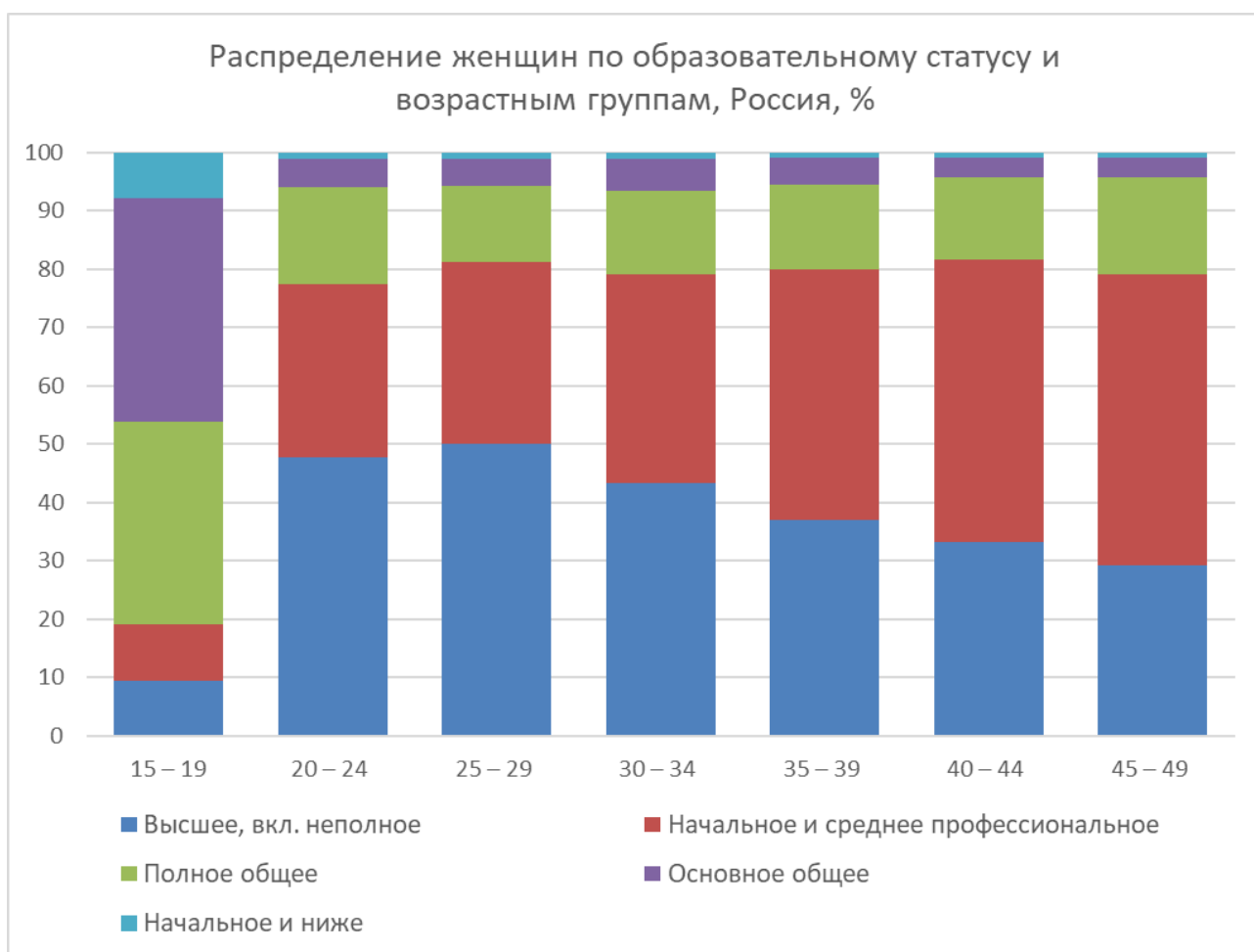

Рис. 2.1. Распределение женщин по образовательному статусу и возрастным группам, Россия, %

Расчитано по: Всероссийская перепись населения 2010 г., Росстат

Распределение женщин, родивших ребенка в 2019 г., по образовательному статусу позволяет оценить разницу в рождаемости не только между разными образовательными группами, но и между возрастными группами с одновременным учетом их образовательного статуса. В самой молодой возрастной группе женщин детородного возраста (до 20 лет) максимальный вклад в рождаемость вносят девушки без профессионального образования, однако пропорционально он ниже их доли в общей численности этой возрастной группы. Вклад в рождаемость девушек до 20 лет с начальным и средним профессиональным образованием в 2 раза превышает их долю в численности возрастной группы. Тем не менее к концу репродуктивного периода у женщин с начальным и средним профессиональным образованием итоговая рождаемость, хотя и больше, чем у женщин с высшим образованием, все-таки значительно меньше, чем у женщин со средним (школьным) образованием. Это связано как с тем, что группа женщин со средним образованием в молодых возрастах включает тех, кто еще не получил, но, безусловно, планирует получение высшего образования, так и с тем, что для женщин с начальным и средним образованием в России

характерен более ранний возраст первого рождения, чем для женщин с высшим образованием.

Несмотря на то что рождаемость у женщин с высшим образованием ниже, чем у всех остальных образовательных групп (кроме женщин без начального образования), именно у этой образовательной группы есть существенные перспективы расширения вклада в общую рождаемость в России в обозримой перспективе (см. табл. 2.3). Это будет происходить не только из-за когортной смены поколений женщин, в результате которой с каждым годом доля женщин с высшим образованием среди всех женщин детородного возраста в России будет расти, но также из-за большего потенциала длительного сохранения репродуктивного здоровья у таких женщин, что позволяет именно им в большей степени переносить рождение детей в старшие детородные возраста, которые, безусловно, станут драйвером рождаемости в России в обозримом будущем.

Таблица 2.3 Среднее число рожденных детей женщинами с разным уровнем образования по возрастным группам, перепись населения 2010 г., детей на 1 женщину

Возраст, лет	Высшее	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Полное общее	Основное общее	Начальное	Без начального	Всего
15–19	–	0,07	0,06	0,04	0,10	0,15	0,16	0,05
20–24	0,25	0,45	0,54	0,53	0,82	0,82	0,50	0,37
25–29	0,68	0,98	1,07	1,20	1,37	1,34	0,79	0,89
30–34	1,11	1,32	1,40	1,55	1,71	1,66	0,96	1,29
35–39	1,33	1,51	1,62	1,74	1,93	1,86	1,09	1,51
40–44	1,43	1,63	1,79	1,92	2,18	2,06	1,25	1,64
45–49	1,51	1,75	1,94	2,02	2,36	2,30	1,36	1,76
15 и более	1,22	1,53	1,56	1,49	1,61	2,29	2,40	1,47

Расчитано по: Среднее число рожденных детей женщинами, имеющими различный уровень образования (на 1000 женщин соответствующего возраста и уровня образования, указавших число рожденных детей). Т. 10. Рождаемость. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Росстат.

Схожая с девушками до 20 лет картина наблюдается и в следующей возрастной группе (20–24 года), где при значительном (до трети) вкладе в рождаемость женщин с высшим образованием все еще сохраняется большая интенсивность рождаемости у женщин со средним и начальным профессиональным образованием по сравнению с женщинами с высшим образованием. Лишь после 25 лет интенсивность рождаемости у женщин с высшим образованием опережает аналогичный показатель женщин со средним и начальным профессиональным образованием, причем вклад женщин с высшим образованием в общую рождаемость растет с возрастом, превышая их долю в численности возрастной группы в 2 раза к концу репродуктивного периода.

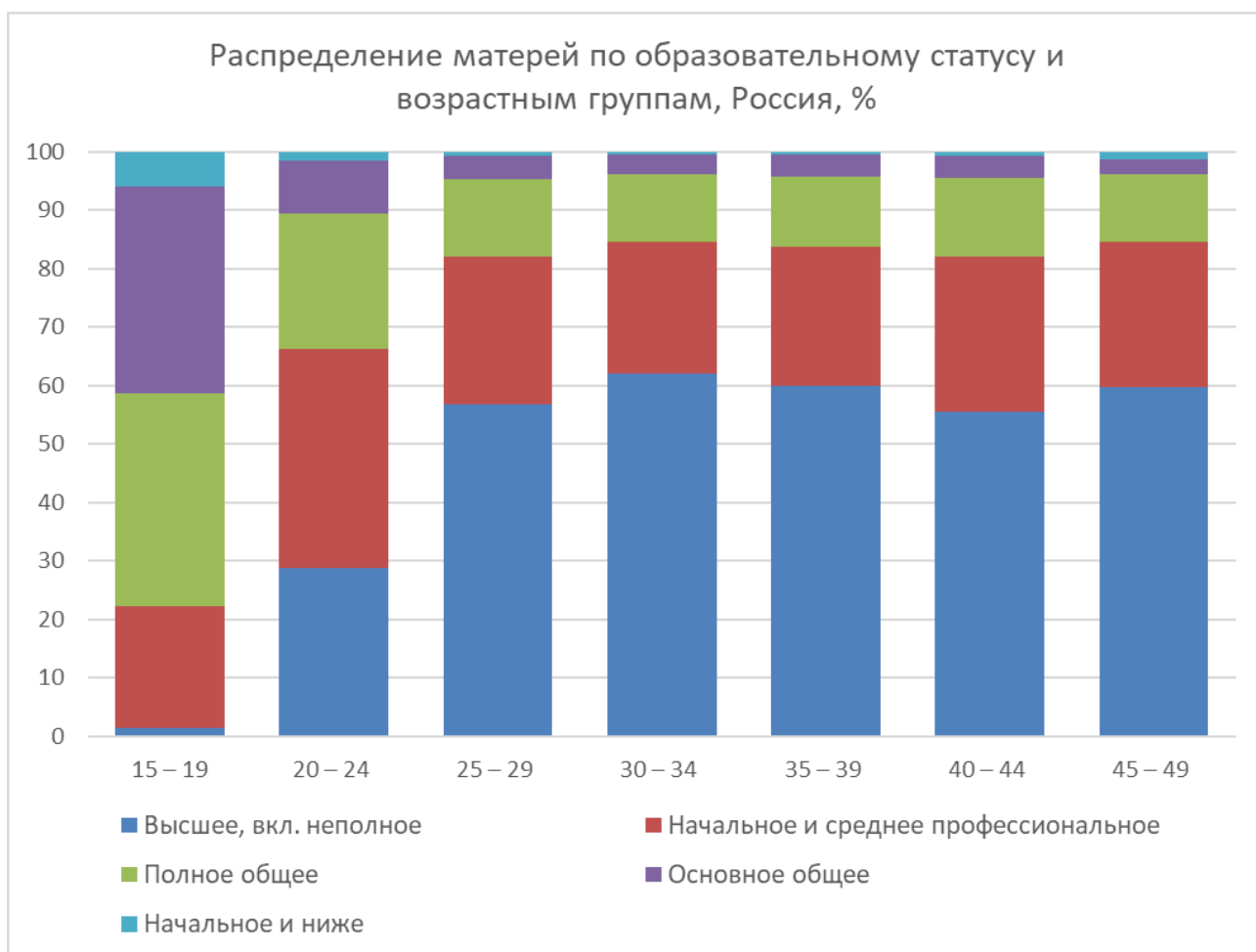

Рис. 2.2. Распределение женщин, родивших ребенка в 2019 г., по образовательному статусу и возрастным группам, Россия, %

Расчитано по: Всероссийская перепись населения 2010 г., Росстат.

Анализ региональной картины возрастного распределения матерей по отдельным уровням образования показал, что в целом в регионах, где вся рождаемость имеет более молодой возрастной профиль, это достигается за счет не только малой доли женщин с высшим образованием, но и молодого возрастного профиля для всех рожаящих женщин, в том числе с высшим профессиональным образованием. В то же время существуют регионы-исключения, где, несмотря на в целом довольно молодой профиль рождаемости, женщины с высшим образованием имеют гораздо более высокий средний возраст рождения. Вероятно, это связано с тем, что большинство женщин с высшим образованием в таких регионах не являются коренными жителями. В основном речь идет о регионах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (Чукотский АО, Сахалинская область, Ненецкий АО и др.), где большая доля неукорененного пришлого населения, которая особенно высока среди

наиболее образованного населения.

3. Оценка влияния образовательных статусов населения на смертность населения в России и ее регионах

Влияние образовательного статуса на показатели смертности и продолжительности жизни неоднократно доказывалось и определялось в демографических исследованиях, в том числе в исследованиях, посвященных российскому населению.

Одним из существенных препятствий для таких исследований в России становится качество демографической статистики. В частности, статистика текущего учета движения населения (ежегодная) не собирает, не разрабатывает и не публикует данные об образовательной структуре населения по возрасту и полу. Такие данные можно обнаружить лишь в базах микроданных переписей населения России, которые публикуются со значительной задержкой после их проведения. К сожалению, даже эти редкие данные часто недоступны исследователям из-за низкого качества технического обслуживания ответственными государственными организациями соответствующих баз данных. Другим источником данных служат выборочные репрезентативные исследования, но, во-первых, их масштаб (размер выборок) не позволяет проводить исследования на административно-территориальных уровнях ниже общероссийского, а во-вторых, результаты таких исследований часто оказываются несопоставимыми с результатами использования данных переписей населения либо текущего учета движения населения (там, где это возможно).

Мы используем окончательные годовые данные текущего учета, собираемые органами загсов в субъектах России, которые затем агрегируются и разрабатываются Росстатом. В частности, данные о матерях рожденных детей (по уровню образования) и сведения об умерших из свидетельств о смерти.

В работе демографа Е. Андреева по исследованию неравенства в младенческой смертности в России было показано, что образование матери является одним из важных факторов смертности младенцев [Андреев, 2020]. Определение конкретных путей и инструментов такого влияния требует отдельного исследования, тем не менее существующие годовые данные Росстата позволяют численно оценить масштабы младенческой смертности в зависимости от образования матери в России в 2019 г.

Младенческая смертность детей, чьи матери имели высшее профессиональное образование, в России примерно в 2 раза ниже, чем детей, чьи матери имели только школьное образование (см. табл. 3.1). Такая младенческая смертность находится на уровне развитых стран с самой низкой в мире младенческой смертностью. Такие различия устойчиво сохраняются на протяжении многих лет. Несмотря на то что в исследовании Е.

Андреева предполагается большая роль финансово-экономического неравенства в создании неравенства младенческой смертности по уровню образования матери, мы полагаем, что гораздо более важную роль в этом играют ценностные различия между группами россиян с разным уровнем образования. В частности, для женщин с более низким уровнем образования характерны недостаточность самосохранительного поведения, меньшая ценность здоровья как собственного, так и здоровья ребенка. Все это приводит не только к большей частоте смертей от внешних причин, но и в целом к более плохому состоянию здоровья матери еще до рождения ребенка.

Следует отметить, что рассчитанные нами показатели младенческой смертности значительно отличаются в меньшую сторону от общих уровней младенческой смертности для всего населения в среднем в 2019 г. Это произошло из-за того, что мы проводили расчеты исключительно для тех случаев рождения и смерти, где был указан образовательный статус матери.

Таблица 3.1 Возрастное распределение женщин с разным уровнем образования, родивших ребенка в 2019 г., регионы России, % от всех матерей с соответствующим уровнем образования

Образовательный статус матери	Младенческая смертность
Всего	3,61
Высшее профессиональное	2,29
Неполное высшее профессиональное	2,98
Среднее профессиональное	3,95
Начальное профессиональное	5,68
Полное среднее (общее)	4,60
Основное среднее	4,41
Начальное	5,39

Рассчитано по: Число живорождений у женщин по возрасту, образованию за 2019 г. Росстат, 2020; Умершие в возрасте до 1 года по уровню образования и возрасту матери за 2019 г. Росстат, 2020.

В России отмечается самый большой в мире разрыв в ожидаемой продолжительности жизни при рождении между мужчинами и женщинами (около 10 лет). При этом, как было показано выше, вклад в эти различия образовательного статуса очень существенный и одновременно значительно различается у мужчин и женщин. Таким образом, анализ смертности населения в зависимости от уровня образования, как и любой другой анализ смертности, необходимо проводить отдельно для мужчин и женщин (табл. 3.2, 3.3).

Распределение умерших по возрастному профилю для отдельных образовательных групп у женщин выглядит ожидаемо: чем ниже уровень образования, тем сильнее распределение умерших смещается в старшие возраста, что, безусловно, вызвано меньшим распространением высшего и профессионального образования у пожилых женщин.

В то же время ситуация у мужчин выглядит иначе: вопреки ожидаемому распределению, умершие мужчины с высшим образованием гораздо больше концентрируются в самых старших возрастах (55 лет и более), чем у всех остальных образовательных групп мужчин, кроме группы с начальным образованием. Это можно объяснить существующим в России огромным выигрышем в продолжительности жизни при рождении (около 10 лет) у мужчин с высшим образованием по сравнению с мужчинами с низким образованием, особенно с начальным профессиональным образованием и ниже. Благодаря этому мужчины с высшим образованием массово доживают до пожилого возраста, тогда как у российских мужчин с более низкими уровнями образования здоровье в силу преимущественно образа жизни гораздо хуже. Это приводит к раннему развитию хронических заболеваний и, соответственно, к ранней смертности от них, а также к относительно высокой смертности от внешних причин, которая характерна для зрелого возраста.

Таблица 3.2. Возрастное распределение мужчин с разным уровнем образования, умерших в 2019 г., Россия, % от всех мужчин с соответствующим уровнем образования

Уровень образования мужчин	Возраст								
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55 и более
Высшее, включая неполное	0,003	0,24	0,86	1,72	2,54	3,22	3,89	4,92	82,61
Среднее профессиональное	0,08	0,52	1,05	2,36	3,55	4,43	5,36	6,77	75,87
Начальное профессиональное	0,34	0,41	0,97	2,17	3,00	3,85	4,07	5,35	79,85
Среднее (полное) общее	0,37	0,72	1,36	3,19	4,47	5,29	5,60	6,52	72,49
Основное общее	1,46	0,82	1,54	3,51	4,72	5,40	4,30	4,30	73,96
Начальное и ниже	1,16	0,52	0,78	1,33	1,52	1,65	1,60	1,96	89,48
Всего	0,31	0,56	1,13	2,54	3,67	4,52	5,00	6,06	76,19

Рассчитано по: Число умерших по возрасту и образованию за 2019 г. Росстат, 2020.

Таблица 3.3. Возрастное распределение женщин с разным уровнем образования, умерших в 2019 г., Россия, % от всех женщин с соответствующим уровнем образования

Уровень образования женщин	Возраст								
	15– 19	20– 24	25– 29	30– 34	35– 39	40– 44	45– 49	50– 54	55 и более
Высшее, включая неполное	0,001	0,16	0,53	1,19	1,78	2,16	2,73	3,58	87,88
Среднее профессиональное	0,03	0,14	0,34	0,82	1,40	1,85	2,46	3,21	89,75
Начальное профессиональное	0,08	0,08	0,16	0,32	0,59	0,73	0,87	1,07	96,10
Среднее (полное) общее	0,19	0,21	0,42	1,06	1,69	2,06	2,22	2,72	89,42
Основное общее	0,52	0,25	0,44	0,87	1,28	1,34	1,11	1,20	93,00
Начальное и ниже	0,21	0,09	0,13	0,19	0,22	0,25	0,27	0,31	98,33
Всего	0,14	0,18	0,37	0,85	1,34	1,67	1,97	2,46	91,01

Рассчитано по: Число умерших по возрасту и образованию за 2019 год. Росстат, 2020.

Региональная картина смертности в зависимости от уровня образования, как и в случае с рождаемостью по уровню образования, свидетельствует о том, что при сохранении большой роли образования для смертности, особенно высшего и особенно для мужчин, региональная специфика имеет большое значение. Так, население регионов с высокими уровнями смертности теряет годы жизни относительно среднероссийских показателей независимо от уровня образования: даже наличие высшего образования не выравнивает шансы на выживание в этих регионах до уровня показателей жителей с высшим образованием в более успешных регионах.

4. Оценка влияния образовательных статусов населения на миграционную подвижность и миграционную историю населения России и ее регионов

Исследования миграции населения активно развиваются с конца XIX в., когда образование и грамотность начали становиться массовыми в развитых странах. Основные работы, теоретизирующие миграцию, были построены на доступных данных о пространственной мобильности населения, преимущественно развитых стран и стран массовой иммиграции. Уже самые первые исследователи миграции уделяли внимание роли образовательного статуса человека в его миграционном поведении. Так, согласно одному из основоположников миграциологии Эверету Ли, люди с относительно более высоким уровнем образования не только имеют большую пространственную мобильность, но также характеризуются большим влиянием на них не выталкивающих, а притягивающих факторов, привлекающих таких людей в новые места проживания [Lee, 1966]. Особое внимание образовательному статусу уделяется в экономических теориях миграции. Это связано с большой ролью рынка труда и потенциальных заработков мигрантов, которые, в свою очередь, в значительной степени зависят от уровня образования и квалификации мигранта. Предполагается, что связка образование – заработок создает более высокие выгоды от потенциальной миграции для более образованных людей. При этом в пространственной мобильности, безусловно, участвуют и люди с низким уровнем образования, но роль образовательного статуса так велика, что на одной территории в один период времени миграционная подвижность более и менее образованных людей может быть разнонаправленной [Абылкаликов, Винник, 2012]. Майкл Пиоре в исследованиях рынка труда дополнительно обнаруживает, что высокий образовательный уровень является одновременно защитой для его обладателя от высокого риска потери дохода и фактором, увеличивающим привлекательность такого мигранта как работника и усиливающим притягивающие факторы миграции в отношении него [Piore, 1979]. Интересно, что образование не только является фактором миграционной подвижности населения, но и само по себе является целью миграции. Современный мир с его глобальными городами вносит свои изменения в картину миграции и ее факторы. Российская столица также входит в число таких глобальных городов, что значительно усложняет миграционную картину в нашей стране и ее исследования.

В России в целях текущего статистического учета миграционной подвижности населения фиксируется образовательный статус мигрантов в возрасте 14 лет и старше (как международных, так и внутренних). Но указание образовательного статуса не является

строго обязательным при заполнении соответствующих форм. В результате значительная доля данных о мигрантах в России не содержит информацию об их образовательном статусе и образовательных целях, что снижает качество текущего учета миграции и возможности для точного анализа таких данных. Вопросы об образовательном статусе и миграционной истории также присутствуют в переписных листах переписей населения. Особенностью учета миграции (и источников данных о мигрантах соответственно) в России является то, что первоначальным оператором этих данных является Министерство внутренних дел, а анализ данных и их публикация находятся в ведении Федеральной службы государственной статистики. Межведомственное взаимодействие, особенно в случае, когда в нем участвуют так называемые силовые ведомства, традиционно обладает невысокой эффективностью, что также негативно сказывается на качестве миграционного учета населения.

Население России отличается высоким уровнем образования в целом и очень низкой долей жителей с минимальным уровнем образования (не более начального) в частности. Среди мигрантов, учтенных текущей статистикой, доля людей с низким уровнем образования также очень невелика. Однако эта группа мигрантов отличается в своем миграционном поведении от основной массы мигрантов. В отличие от большинства других образовательно-возрастных групп мигрантов, наименее образованные мигранты демонстрируют в большинстве возрастов (кроме возраста младше трудоспособного) миграционную убыль в международной миграции. Тем не менее из-за своей малочисленности эта группа мигрантов не оказывает заметного влияния на миграционную ситуацию в целом. Мигранты с основным общим (неполным средним) образованием, хотя и демонстрируют в целом схожие с другими группами мигрантов паттерны поведения, из-за своей малочисленности не вносят большого вклада в миграционный прирост населения России. В миграционном приросте (здесь и далее среди указавших образовательный статус) почти всех возрастных групп 18 лет и старше вклад этой группы мигрантов составляет 4–5%. Мигранты от 20 лет и старше с полным средним общим образованием (аналоги 11 классов российской школы) устойчиво формируют от 20 до 30% миграционного прироста (14 лет и старше) российского населения. Таким образом, во всех возрастных группах от 20 до 74 лет мигранты, не имеющие профессионального образования, формируют около трети общероссийского миграционного прироста в соответствующих возрастах. Следовательно, квалифицированные мигранты (имеющие любой уровень профессионального образования) во всех возрастах после 20 лет формируют около двух третей миграционного прироста. Мигранты с начальным и средним профессиональным образованием формируют 35–40% миграционного прироста в возрастах от 20 до 49 лет и 45–50% в возрастах от 50 лет, что

логично проистекает из образовательной структуры населения на постсоветском пространстве, которое, в свою очередь, продуцирует подавляющую часть международных миграционных потоков России (табл. 4.1). Мигранты с высшим (в том числе неоконченным высшим) профессиональным образованием формируют от 40% миграционного прироста в группе мигрантов 20–24 лет до 25% в более старших возрастах с поступательным уменьшением их вклада в общий миграционный прирост. В целом образовательная структура миграционного прироста в России незначительно отличается от образовательной структуры самого российского населения, а доля наименее образованных мигрантов в миграционном приросте значительно ниже, чем в российском населении в соответствующих возрастах. Исходя из этого можно говорить, что миграционный поток в Российскую Федерацию, вопреки существующим стереотипам, не ухудшает образовательную структуру населения и не наносит ущерба человеческому капиталу, зависящему от уровня образования, по крайней мере, по формальным показателям.

Таблица 4.1 Вклад отдельных возрастных и образовательных групп мигрантов в миграционный прирост населения России в 2018 г., %

	Образование				
	Высшее (в том числе неполное)	Среднее и начальное профессиональное	Полное общее	Неполное общее	Начальное и менее
Все население	28,74	34,95	29,15	6,42	0,74
В том числе в возрасте, лет:					
14–15	3,41	3,03	6,55	43,44	43,57
16–17	7,01	10,87	47,22	45,09	-10,20
18–19	10,39	22,61	79,12	-8,41	-3,71
20–24	42,35	38,38	16,70	3,34	-0,77
25–29	33,12	32,85	29,67	4,88	-0,53
30–39	28,71	35,41	31,31	4,58	-0,01
40–49	30,98	39,38	26,40	4,15	-0,90
50–54	29,66	45,80	21,30	3,77	-0,53
55–59	29,30	44,04	22,73	4,08	-0,15
60–64	25,41	44,50	23,47	5,95	0,67
65–69	30,85	42,72	19,62	5,40	1,40
70–74	26,99	50,98	19,78	1,69	0,56
75–79	52,78	50,93	26,85	-4,17	-26,39
80+	-31,11	-70,22	6,67	70,67	124,00

в трудоспособном возрасте	29,78	35,12	31,17	4,95	-1,02
старше трудоспособного	30,88	46,61	22,35	2,94	-2,77
18 лет и более	30,67	37,27	29,61	3,37	-0,92

Рассчитано по: Распределение мигрантов по полу, возрасту, уровню образования и причинам смены места жительства. Росстат, 2019.

При анализе внутренней миграции на уровне Российской Федерации разумно обращаться к показателям регистрации прибытий, так как степень полноты учета выбытий традиционно ниже. Хотя в документах учета миграции в Российской Федерации существуют различные варианты указания причины миграции, заполнение этой части листов выбытия и прибытия не является обязательным, что приводит к относительно высокой доле мигрантов, не указавших причину. Кроме того, сам набор предлагаемых вариантов причин миграции содержит не всегда актуальные пункты и одновременно не содержит ряд потенциальных причин, имеющих место в настоящее время. В результате около половины российских мигрантов либо не указывают причины вовсе, либо указывают их без конкретизации (в частности, «иные причины» и «причины личного характера»). Две причины миграции, которые указываются достаточно часто и при этом имеют наибольший интерес для исследователей, – работа и учеба.

Среди всех внутрирегиональных мигрантов старше 14 лет лишь около 30% имеют общее образование (полное и неполное в сумме), а еще приблизительно по 30% приходится на мигрантов с высшим (включая неполное) и средним/начальным профессиональным образованием. Но при анализе внутрирегиональной миграции по основным причинам картина меняется. Так, среди россиян, мигрирующих с образовательными целями, доля имеющих общее образование резко возрастает до 86% (52% полное и 34% неполное) (табл. 4.2). Среди внутрирегиональных мигрантов, указавших в качестве причины работу, те же 86% составляют люди с профессиональным образованием (50% с высшим и 16% со средним и начальным).

Таблица 4.2 Вклад отдельных образовательных групп мигрантов в потоки внутрирегиональной миграции населения России по причинам миграции в 2018 г., %

	Высшее	Среднее начальное	и	Среднее общее	Основное общее	Начальное
--	--------	-------------------	---	---------------	----------------	-----------

	(включая неполное)	профессиональное	(полное)	(неполное)	и менее
Внутрирегиональная миграция, всего	32,38	31,18	22,34	11,36	2,73
В связи с учебой	6,07	4,91	51,95	34,51	2,56
В связи с работой	49,68	35,92	11,02	2,90	0,48

Расчитано по: Распределение мигрантов по полу, возрасту, уровню образования и причинам смены места жительства. Росстат, 2019.

В межрегиональной миграции в целом на первое место выходят мигранты с высшим образованием (42%), с другим профессиональным образованием – 28% мигрантов, а с общим – 27%. Гораздо больше отличий можно увидеть при сравнении внутри- и межрегиональной миграции по причинам, в частности из-за образовательной причины. Доля мигрантов с полным средним образованием возрастает до максимальных 68%, хотя и доля мигрантов с высшим образованием увеличивается (до 13%). Это является отражением высокой концентрации крупнейших вузов страны в небольшом количестве регионов, а также показывает растущее распространение практики очного получения второго высшего образования либо магистерской степени. Кроме того, такие данные подтверждают известные постулаты теоретических работ о миграции, утверждающих более высокую миграционную подвижность у людей с более высоким уровнем образования, причем подвижность тут подразумевается в том числе и по условной дальности перемещений. Изменяются в межрегиональной миграции и доли переселенцев с профессиональным образованием, приезжающих в связи с работой (табл. 4.3). В отличие от внутрирегиональной миграции, здесь возрастает доля людей с высшим образованием (до 60%) и падает доля переселенцев со средним и начальным профессиональным образованием (до 30%).

Таблица 4.3 Вклад отдельных образовательных групп мигрантов в потоки межрегиональной миграции населения России по причинам миграции в 2018 г., %

	Высшее (включая неполное)	Среднее начальное и профессиональное	Среднее общее (полное)	Основное общее (неполное)	Начальное и менее
Межрегиональная миграция, всего	42,48	28,43	22,19	5,49	1,41

В связи с учебой	13,22	4,33	68,05	13,05	1,34
В связи с работой	58,59	30,14	9,23	1,79	0,27

Рассчитано по: Распределение мигрантов по полу, возрасту, уровню образования и причинам смены места жительства. Росстат, 2019.

В международной миграции в прибытиях вновь возрастает доля мигрантов с общим образованием, что отражает учет большого потока низкоквалифицированных мигрантов на российский рынок труда. Среди международных мигрантов, прибывающих в связи с учебой, ожидаемо высока доля имеющих полное общее образование (более 70%), однако и доля лиц с высшим образованием достаточно высока (14%). Среди указавших причиной миграции в Россию работу высока доля лиц, не имеющих профессионального образования (в сумме 47%), а доля лиц с высшим образованием составляет лишь 17% (36% со средним и начальным образованием) (табл. 4.4). Это отражает известную проблему структуры российского рынка труда, который предъявляет спрос преимущественно на работников с относительно низким уровнем образования.

Таблица 4.4 Вклад отдельных образовательных групп мигрантов в прибытия в международной миграции населения России по причинам миграции в 2018 г., %

	Высшее (включая неполное)	Среднее начальное и профессиональное	Среднее общее (полное)	Основное общее (неполное)	Начальное и менее
Международная миграция, всего	26,99	33,83	31,39	6,13	1,66
В связи с учебой	13,95	6,42	74,76	3,70	1,17
В связи с работой	17,18	35,93	40,43	5,44	1,02

Рассчитано по: Распределение мигрантов по полу, возрасту, уровню образования и причинам смены места жительства. Росстат, 2019.

В миграционном приросте населения России в международной миграции по причинам картина значимо не отличается от образовательного статуса переселенцев, зафиксированного для прибывающего потока в международной миграции.

Для населения России в целом в миграционной подвижности характерно следование универсальным закономерностям: миграционная подвижность возрастает с увеличением максимального достигнутого уровня образования, а также для более образованных мигрантов отмечается более сильный рост миграционной подвижности в межрегиональной миграции по сравнению с внутрирегиональной. Отсутствие данных о миграции внутри муниципальных образований, многие из которых в России отличаются огромными территориями или численностью населения и часто содержат большое количество населенных пунктов, к сожалению, не позволяют провести оценку справедливости такого анализа для миграционной подвижности на низовом административно-территориальном уровне. В России, как и в большинстве развитых стран, отмечается значительный образовательный гендерный диспаритет. Женщины имеют в среднем более высокий уровень образования, что, соответственно, отражается на их более высокой миграционной подвижности, поскольку, с одной стороны, достигнутый уровень образования увеличивает человеческий капитал женщин и позволяет им с меньшими издержками и большими выгодами для себя участвовать в миграции, а с другой стороны, возможность получения образования сама по себе является сильным притягивающим фактором, на который женщины реагируют чаще, чем мужчины, в миграции внутри России.

5. Разработка предложений по совершенствованию политики учета населения и демографических процессов

В ряде развитых стран в настоящее время уже активно используются электронные регистры населения. Такие регистры позволяют не только проводить высококачественные научные демографические исследования, но и повышать качество государственного управления в сфере демографии, общественного здравоохранения, миграции. В странах с большим населением, таких как Россия, наладить работу подобных регистров намного сложнее. В крупных странах в связи с этим особенно активно используются ежегодные выборочные репрезентативные исследования с большими выборками, позволяющими надежно исследовать демографические процессы на субнациональном уровне. В России катастрофически не хватает подобных исследований, а те немногие, которые реализуются, имеют выборку, которая вовсе не позволяет проводить исследования на региональном уровне.

России необходимо постепенно наладить ежегодное проведение масштабного выборочного репрезентативного (как минимум, на уровне субъектов Федерации) исследования демографического поведения домохозяйств и индивидов. Такое исследование будет использоваться для корректировки текущей статистики движения населения и переписных данных, которые между переписями населения быстро устаревают и накапливают погрешности.

Упомянутая выше проблема диспропорции между мужчинами и женщинами России по уровню образования, в частности повышенная доля женщин с высшим профессиональным образованием, создает реальную угрозу дополнительного роста окончательной безбрачности и бездетности. Хотя сейчас по последнему показателю Россия находится в неплохой позиции относительно других развитых стран, доля окончательно бездетных женщин в когортах россиянок постоянно растет и продолжит расти. Образовательные диспропорции – лишь один из факторов этого процесса, но этот фактор может поддаваться влиянию государственной политики. Государство может влиять на брачный рынок. В данном случае требуется политика расширения гендерного равенства в вопросах образования, причем не только высшего, но и среднего профессионального. Речь тут идет не только о расширении возможностей доступа к образованию для мужчин в тех сферах, где их присутствие невелико, но и о создании более привлекательных и равных условий для женщин в тех

образовательных и профессиональных сферах, где ощущается их недостаток. Таким образом удастся продвинуться в создании более эгалитарной профессиональной среды для всех.

Женщины с высшим образованием в России, как и во всем мире, позже рожают детей, причем как первенца, так и последующих. С одной стороны, происходящее во всех образовательных группах женщин постарение рождаемости создает вызов сокращения итоговой рождаемости в первую очередь у наиболее образованных женщин, так как они могут попросту не успеть реализовать репродуктивные намерения до окончания репродуктивного возраста. С другой стороны, растущая доля женщин с высшим образованием среди матерей частично компенсирует такие потенциальные потери благодаря тому, что репродуктивное здоровье женщин с высшим образованием сохраняется дольше. В то же время, несмотря на улучшение состояния здоровья женщин, несомненно, в обозримом будущем спрос на вспомогательные репродуктивные технологии будет лишь расти. Учитывая сложность и затратность таких технологий и процедур, государству в своей демографической и медицинской политике стоит закладывать неизбежный рост расходов на программы финансирования ВРТ. Это поможет более полно реализовать репродуктивный потенциал россиянок с высшим образованием и получить новые поколения с более высоким человеческим капиталом за счет передачи его от более образованных родителей.

Сам по себе образовательный статус в значительной степени не является способом улучшить здоровье и сохранить жизнь. Наиболее эффективно этот фактор работает лишь тогда, когда максимальный достигнутый уровень образования совпадает с занятием должностной ниши на рынке труда, требующей именно такого уровня образования. В этой связи политика государства по снижению смертности с учетом образовательного фактора населения станет наиболее успешной, если она будет стимулировать обновление предложения рабочих мест на рынке труда за счет создания рабочих мест, требующих наиболее высокой квалификации. При этом фактор доходов важный, но не решающий в данном случае. Существующая политика консервации рынка труда, хотя и предотвращает рост безработицы, также консервирует структуру не очень безопасных рабочих мест, которым зачастую соответствуют низкая культура труда и отсутствие самоохранительного поведения работников.

Анализ миграции населения с учетом образовательных статусов показывает, что миграционный поток, направленный в Россию из-за рубежа, мало уступает численности российского населения с подобным статусом. Это хороший знак и отличный потенциал для вертикальной социальной мобильности иммигрантов. В то же время уже сегодня необходимо

задуматься о том, каковы будут качество и требуемая квалификация рабочих мест, которые Россия предлагает иммигрантам. Поскольку образовательный уровень населения в странах – поставщиках мигрантов в Россию растет, в обозримом будущем мы столкнемся с тем, что потенциальные мигранты из стран СНГ будут предпочитать России страны с более современным и диверсифицированным предложением на рынке труда.

Заключение

Работа посвящена взаимосвязи образовательных статусов российского населения и развития демографических процессов в нем, в частности, рождаемости, смертности и миграции.

В теоретической части работы были проанализированы исследования влияния образования на смертность, которые показали его исключительно большую роль в России, особенно для российских мужчин. Обзор исследований влияния образовательного статуса на рождаемость применительно к России показал его негативное влияние на рождаемость, что вызвано, однако, не самим образовательным статусом, а повышением планки необходимых инвестиций в будущее ребенка у наиболее образованных матерей, что увеличивает для них разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей.

Были проведены расчеты образовательной структуры населения России, ее гендерных и возрастных диспропорций. Эти расчеты выявили, что женщины в России имеют гораздо более высокий уровень образования, чем мужчины. И этот разрыв не сокращается в новых поколениях, что позволяет ожидать в будущем нарастания проблем на брачном рынке. Расчеты связи образования и рождаемости позволили обнаружить большой потенциал матерей с высшим образованием для рождаемости, который будет постепенно реализовываться в процессе постарения рождаемости. Региональный анализ обнаружил некоторые специфические районы, где отличающееся на общем фоне репродуктивное поведение наиболее образованных женщин, вероятно, объясняется их миграционным статусом и неукорененностью в регионе.

Исследование обнаружило, что младенческая смертность детей, рожденных матерями с высшим образованием, находится на уровне стран с самой низкой в мире младенческой смертностью и примерно в 2 раза ниже, чем у детей менее образованных женщин. Также был показан огромный выигрыш в продолжительности жизни у мужчин с высшим образованием относительно мужчин без такового. Характеристики связи миграции с образованием мигрантов, с одной стороны, показали сохранение традиционных паттернов иерархичности миграции (из сел в малые города, из малых и средних городов в большие, из больших в крупнейшие), а с другой – опровергают существующий миф о потоке необразованных иностранных мигрантов в Россию. Поток прибывающих мигрантов по своему образованию не очень сильно отличается от численности населения с подобным статусом.

В работе определены необходимые меры по совершенствованию государственного управления в сфере демографических процессов и их связи с образовательным статусом населения. В частности, указаны недостатки в системе сбора демографических данных, в том числе недостаток ежегодных выборочных репрезентативных исследований, технические недостатки существующих баз данных. Определены ожидаемый рост спроса на услуги вспомогательных репродуктивных технологий, а также основные направления устранения недостатков на рынке труда.

Таким образом, в работе были выполнены основные задачи исследования, в частности определены связи показателей рождаемости, смертности, включая младенческую, и миграции с образовательными статусами населения: мигрантов, умерших, матерей, родивших ребенка, а также матерей детей, умерших на первом году жизни. Кроме того, отмечены межрегиональные различия во влиянии образовательной структуры населения на указанные демографические процессы.

Список использованных источников

1. *Харькова Т.Л., Никитина С.Ю., Андреев Е.М.* Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. 2017. № 8.
2. *Пьянкова А.И., Фаттахов Т.А.* Смертность по уровню образования в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 623–647.
3. *Андреев Е.М., Жданов Д.А.* Продолжительность жизни – чем больше знаем, тем дольше живем // Форсайт. 2007. № 3. С. 49–52.
4. *Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., Щербов С.Я.* Ожидаемая продолжительность жизни пожилых в России в зависимости от образовательного статуса // Демографическое обозрение. 2018. № 1. С. 25–38.
5. *Mackenbach J.P., Kulhánová I., Vopp M. et al.* Variations in the relation between education and cause-specific mortality in 19 European populations: a test of the «fundamental causes» theory of social inequalities in health // Soc Sci Med. 2015. No. 127. P. 51–62.
6. *Regidor E, Reques L., Belza M.J., Kunst A.E., Mackenbach J.P., de la Fuente L.* Education and mortality in Spain: a national study supports local findings // Journal Public Health. 2016. No. 61(1). P. 139–145.
7. *Cacciani L., Bargagli A.M., Cesaroni G., Forastiere F., Agabiti N., Davoli M.* Education and Mortality in the Rome Longitudinal Study // PLoS ONE. 2015. No. 10 (9). P. e0137576.
8. *Clark D., Heather Royer.* The Effect of Education on Adult Mortality and Health: Evidence from Britain // American Economic Review. 2013. No. 103 (6). P. 2087–2120.
9. *Gathmann C., Jürges H., Reinhold S.* Compulsory Schooling Reforms, Education and Mortality in Twentieth Century Europe // CESifo Working Paper Series. 2012. No. 3755
10. *Hayward M.D., Hummer R.A., Sasson I.* Trends and group differences in the association between educational attainment and U.S. adult mortality: implications for understanding education's causal influence // Soc Sci Med. 2015. No. 127. P. 8–18.
11. *Everett B.G., Rehkopf D.H., Rogers R.G.* The Nonlinear Relationship between Education and Mortality: An Examination of Cohort, Race/Ethnic, and Gender Differences // Population Research and Policy Review. 2013. No. 32(6):10.1007/s11113-013-9299-0.

12. *Montez J.K., Hayward M.D.* Cumulative childhood adversity, educational attainment, and active life expectancy among U.S. adults // *Demography*. 2014. No. 51 (2). P. 413–435.
13. *Mäki N., Martikainen P., Eikemo T. et al.* Educational differences in disability-free life expectancy: a comparative study of long-standing activity limitation in eight European countries // *Social Science & Medicine*. 2013. No. 94. P. 1–8.
14. *Cutler D. M., Huang W., Lleras-Muney A.* When does education matter? The protective effect of education for cohorts graduating in bad times // *Social Science & Medicine*. 2015. No. 127, P. 63–73.
15. *Masters R.K., Link B.G., Phelan J.C.* Trends in education gradients of 'preventable' mortality: A test of fundamental cause theory // *Social Science & Medicine*. 2015. Nnnno. 127. P. 19–28.
16. *Montez K., Zajacova A.* Explaining the Widening Education Gap in Mortality among U.S. White Women // *Journal of Health and Social Behavior*. 2013a. No. 54 (2). P. 165–181.
17. *Montez K., Zajacova A.* Trends in Mortality Risk by Education Level and Cause of Death Among US White Women From 1986 to 2006 // *American Journal of Public Health*. 2013b. No. 103 (3). P. 473–479.
18. *Arun S. Hendi.* Trends in U.S. life expectancy gradients: the role of changing educational composition // *International Journal of Epidemiology*. 2015. No. 44 (3). P. 946–955.
19. *Krueger P.M., Tran M.K., Hummer R.A., Chang V.W.* Mortality Attributable to Low Levels of Education in the United States // *PLoS ONE*. 2015. No. 10(7): e0131809.
20. *Колосницына М.Г., Куликова О.А.* Социально-экономические факторы и последствия избыточного веса // *Демографическое обозрение*. 2018. № 5. С. 92–124.
21. *Колосницына М.Г., Куликова Н.А.* Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // *Демографическое обозрение*. 2017. № 3. С. 27–46.
22. *Щур А.Е.* Города-миллионники на карте смертности России // *Демографическое обозрение*. 2018. № 5. С. 66–91.
23. *Малева Т.М., Тындик А.О.* Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // *Регион: экономика и социология*. 2014. № 2. С. 116–136.
24. *Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г.* Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // *Народонаселение*. 2019. № 1. С. 21–39.

25. *Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В.* Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия Социология. 2020. № 3. С. 546–559.
26. *Локшин М.М., Чернина Е.М.* Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 41–74.
27. *Lee Everett.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
28. *Абылкаликов С.И., Винник М.В.* Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 8.
29. *Piore M.* Birds of passage. Migrant labour and industrial societies. New York: Cambridge University Press, 1979.
30. *Андреев Е.* Неравенство в младенческой смертности среди населения современной России // Вопросы статистики. 2020. № 2. С. 48–62.